

собором.²⁰ Но если в 30-х годах, вспоминая о постигшей его несправедливости, он не мог удержаться, чтобы не воскликнуть в сердцах: «Кто бывал избобжен, тот знает, какова беда и какова горесть обиды!»,²¹ то спустя 20 лет, умудренный жизненным опытом, Зиновий счел возможным лишь утешительно-ироническим тоном укорить тех, кто, как Гурий Заболоцкий, совсем недавно осуждал инакомыслящих, а теперь сам нуждался в утешении и сострадании.

В своем послании Зиновий Отенский использовал не только книгу Экклезиаста и другие библейские книги, послания апостолов, сочинения Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста, на которого ссылается (л. 80), но и Житие Варлаама и Иоасафа (л. 78). Этим Житием, представляющим собой обработку, приписываемую Иоанну Дамаскину, восточной легенды из жизни Будды, воспевающим аскезу и суровый иноческий подвиг,²² зачитывались в различных слоях русского общества XVI в. На него ссылался в послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный,²³ его переводил в Литве князь А. М. Курбский.²⁴ Причем каждый из них вкладывал в Житие свой смысл.²⁵ Для образованных монахов, таких как Зиновий и его адресаты, это Житие было настольной книгой. Идеи, содержащиеся в нем, полностью соответствовали аскетическим идеалам Зиновия Отенского.

Философский подход к разработке темы, обращение к лицам, недавно занимавшим высокие посты в церковной иерархии и хорошо церковно образованным, определили литературный стиль «утешительного» послания. Зиновий неоднократно высказывал предпочтение церковно-славянскому литературному языку — «грамотическим словесам», «книжным речам» перед русским простонародным языком — «народным грамотам», «общим народным речам».²⁶ Эта его приверженность к книжности нашла в «утешительном» послании свое полное выражение. Фразы его нарочито утяжелены, синтаксис запутан, ради образности подчас затемняется смысл.²⁷ Однако стоит Зиновию перейти к изложению фактов повседневной жизни — и стиль его упрощается. Так происходит, например, когда Зиновий вслед за митрополитом Даниилом²⁸ обвиняет русских знатных женщин в пренебрежении материнскими обязанностями: воспитание своих детей они, оказывается, передают «работным», т. е. кормилицам, нянькам и мамкам из дворовых людей (л. 73 об.). В этом упрощении стиля, даже у такого убежденного поборника «книжных речей», каким был Зиновий Отенский, нельзя не видеть властного воздействия живого, разговорного народного языка на литературный язык того времени.

²⁰ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский... стр. 84.

²¹ А. И. Клибанов и В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину, стр. 221.

²² История русской словесности А. Галахова, т. I. СПб., 1880, стр. 422—426 (раздел о Житии Варлаама и Иоасафа написан А. Веселовским); А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб., 1903, стр. 4, примеч. 3; Н. П. Попов. Афанасиевский извод «Повести о Варлааме и Иоасафе». — ИОРЯС за 1926, т. XXXI, л., 1926, стр. 190—191.

²³ Послания Ивана Грозного, стр. 174.

²⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв., стр. 280.

²⁵ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5, стр. 38—39.

²⁶ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 175—176; Зиновий Отенский. Истины показание... стр. 964—965.

²⁷ Приношу глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову за помощь при подготовке текста посланий Зиновия Отенского к печати.

²⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 544.